

летописей. Думается, что сведения западных источников об этом же периоде дают основание предполагать, что раз были связи с Западом, значит должны были иметь место и попытки католической церкви привести Русь в лоно западной церкви.

В эпоху Владимира I наряду с принятием христианства из Византии имели место сношения с Западом, в частности в вопросе организации церкви. Три года своего изгнания, годы отрочества и первой юности Владимир провел за морем у варягов, где в то время трудились миссионеры с Запада. В период язычества Владимира по крайней мере четыре из его жен были христианками: норвежка Адлага, которая, согласно саге об Олафе, вместе с этим норвежским принцем повлияла на Владимира в вопросе крещения; гречанка, вдова Ярополка, которую Владимир взял себе по смерти брата; болгарка, мать св. Бориса и Глеба; чешка (которую В. Н. Татищев отождествляет с Малфридой). Повесть об испытании вер, сколько бы в ней ни было легендарного,⁶² своим сообщением о посольстве Владимира на Запад во всяком случае отражает факт тогдашних сношений с римской церковью, с чем в полном согласии стоит известие Никоновской летописи, что в 988 г. приходили в Киев посланцы от папы и «мощи святых принесоша». В той же летописи имеются данные и о сношениях с Римом после крещения. В 991 г. рядом с другими известиями — о наводнении, о каменосечцах, прибывших из Греции, о принявшем крещение печенежском князе Кучуге, — говорится снова о прибытии послов из Рима «с любовию и с честию»; в 994 г. Владимир сам посылает послов к папе, а в 1000 г. прибывают послы от папы вместе с посольствами чешского и венгерского королей, а в следующем году Владимир снова шлет своих гостей в Рим, Иерусалим, Египет и Вавилон. Известия Никоновской летописи о дипломатических связях Владимира с чехами, поляками и венграми подтверждает и Начальная летопись: «бе живя с князи околними миромь, с Болеславом Лядьскимь, и с Стефаном Угрьскимь, и с Андрихомь Чешьскимь. И бе мир между ими и любы».⁶³ (Известие поставлено по ошибке под 996 г.: Стефан Венгерский вступил на престол в 997 г., а Удальрих Чешский — в 1012 г.).

Княжеские брачные союзы в течение XI в. особенно интересны и важны для понимания тогдашней культурной ориентации Киевской Руси. Из сведений по этому вопросу, собранных в книге Н. Баумгартена,⁶⁴ следует, что из 38 сохранившихся данных о браках Рюриковичей в XI в. 8 случаев падают на Германию, 2 — на Францию, 5 — на скандинавские королевства и Англию, 7 — на Польшу, 6 — на Венгрию, 3 брака — с половецкими принцессами, 1 — с византийской принцессой и 2 — с представителями византийской аристократии; русские межкняжеские браки большей частью не регистрируются, особо упомянуты в двух случаях. Итак, 27 браков с католическим Западом, 3 — с Византией и 3 — с половцами. Сколь бы мы ни преуменьшали значение династического фактора в вопросах культурной ориентации средневековых государств, приведенные цифры убедительно говорят о том, что в XI в. Русь в своей политической жизни была значительно сильнее связана с Западной Европой, нежели с Византией и балканскими славянами. О значении этих связей древней Руси с латинским миром в Киевский период русской истории красноречиво говорит

⁶² Ср.: Карташев, стр. 105—121.

⁶³ Повесть временных лет, ч. 1, стр. 86.

⁶⁴ N. de Baumgarten. *Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X-e au XIII-e siècle*. Roma, 1927 (из «Orientalia Christiana», IX).